

Шедевры спасенные и возвращенные

Моя встреча с Наталией Ивановной Соколовой, — участницей поиска спрятанных фашистами в годы войны сокровищ Дрезденской галереи, «очень энергичной женщиной», по выражению маршала И. С. Конева, — состоялась при обстоятельствах не совсем обычных.

Студенткой Ленинградского университета я приехала на зимние каникулы в Москву. Но поезд сильно опоздал, прибыл за полночь. На улице мороз, в студенческом общежитии «начальника» уже нет, а без него в общежитие не пускают. В записной книжке случайно оказался номер телефона Н. И. Соколовой — искусствоведа, по книгам которой учились не только мы, но и наши учителя. Решилась позвонить: «С Вами говорит ленинградская студентка... Мне негде ночевать...».

Через минуту я уже мчалась на улицу Станкевича, где жила Наталия Ивановна. Когда пришла, кто-то прощался с хозяйкой, кто-то, напротив, только появлялся, непрерывно звонил телефон. Запомнились книжные шкафы, горячая картошка, множество увлеченных искусством людей, живые цветы...

Дед Наталии Ивановны был адмиралом, участником Крымской войны 1853–1856 годов, героем обороны Севастополя. Наталия Ивановна, рассказывая о его жизни и понятиях офицерской чести, признавалась, что свою жизнь «делала с него».

В юности она жила в старом адмиральском доме в Петербурге, где заслуженный воин провел свои последние годы. Здесь по-прежнему, как казалось ей, пахло особым запахом морского ветра, пеньковых канатов, прогретых солнцем парусов, а так же душистым табаком, который курил старик.

У окна стоял огромный продавленный диван, в высокой спинке которого, в ящичках хранились письма. Как-то одним из длинных вечеров во время эпидемии инфлюэнцы в Петербурге, когда Наташа Соколова томилась в четырех стенах с выгоревшими обоями, она за-

жгла лампу над диваном и вынула пачку писем. Читала как увлекательное кругосветное путешествие.

Здесь были чертежи кораблей и технические расчеты адмирала, его письма домой к своим родным, похожие на путевой дневник. Были и черновики официальных докладных за подписью деда Наталии Ивановны адмирала Д. А. Никонова с предложениями усовершенствований «на пользу и во славу на море Российской державы».

«Жизнь начинается с подвига», — говорил адмирал Никонов, — и это стало девизом всей жизни Наталии Соколовой.

У нее был характер незаурядный, волевой, может быть, даже резкий и в тоже время полный чисто женского обаяния.

Она всегда стремилась взойти на самые высокие ступени своего внутреннего духовного пьедестала...

Когда началась Великая Отечественная война, ей предложили эвакуироваться в тыл. «Мне — в тыл?!» — возмутилась Наталия Ивановна.

Осталась в Москве, выступала по радио, ездила в воинские части и госпитали.

Работая в Совинформбюро, Наталия Ивановна организовывала выступления деятелей культуры. Художники, писатели, музыканты рассказывали об испытаниях народа и его мужестве, о блокаде Ленинграда и о Ленинградской симфонии Дмитрия Шостаковича.

Она писала о самоотверженных усилиях сотрудников Эрмитажа, которые умирали от голода, но продолжали служить искусству до последнего своего дыхания. Нашли в себе силы отметить в стенах музея 800 летний юбилей великого гуманиста мировой культуры Низами.

Люди, являвшие собой славу отечественной культуры, продолжали работать. Ездили с творческими отчетами на фронт, выступали на тех же площадках, где их привыкли видеть тысячи зрителей.

Это было духовное единение российской интеллигенции перед лицом опасности Отечеству. «Люди света» боролись с силами зла, спасая культуру. Множили ее, поднимали ею дух народа.

Наталия Ивановна часто рассказывала, как на одну из встреч, ею организованных, художник Петр Кончаловский «притащил своего Лермонтова» (живописный портрет поэта, который он только что закончил).

Затем пришли такие известные и любимые всеми деятели музыкальной культуры как Козловский и Лемешев.

Надежда Андреевна Обухова, которая попала в сильную грозу, еле добралась в промокшем прилипавшем платье. По ее лицу текли струи воды. «Голубушка, — взволнованно говорила она Наталии Ивановне, — петь я не могу». Но петь стала. Московское радио получало тысячи писем от бойцов, которые объяснялись ей в любви, благодарили ее за волшебный голос, за то, что вселяет в души веру и силу.

Нередко у подъезда Совинформбюро, где работала Наталия Ивановна, останавливался «газик», и тогда она ехала в какую-нибудь воинскую часть.

Она любила вспоминать, как однажды ее пригласили на «энскую» зенитную батарею. Среди бойцов находился скульптор, которому командование поручило вылепить портреты особо отличившихся солдат. Наталия Ивановна как искусствовед должна была дать оценку этим работам.

Скульптуры были расставлены прямо на поляне, а возле каждой из них, вытянувшись, стоял отличившийся зенитчик — модель, с которой и делался этот скульптурный портрет.

Прибыли офицеры и генералы. Все интересовались такой необычной выставкой. «И портреты, и сами молодые солдаты были один лучше другого, и я не поскупилась на похвалы», — признавалась Наталия Ивановна.

Когда война уже приближалась к концу, Комитет по делам искусств начал направлять на фронты искусствоведов, чтобы выяснить судьбу музеев и сокровищ искусства.

Наталия Ивановна отозвалась мгновенно. Ей отказывали, мотивируя это большим риском для жизни: «Женщин бережем. Дело опасное, посылаем только мужчин».

Но она добилась своего, — и в чине майора отправилась в Германию, где шли бои. Война еще не закончилась.

Со свойственным ей юмором, она рассказывала о комической ситуации, случившейся с ней по дороге в Дрезден.

Почти сразу же ее остановил комендантский патруль, который потребовал документы.

— Позвольте, — возражала Наталия Соколова, — В чем дело? По какому случаю?

— По случаю неправильного ношения формы, товарищ майор, — улыбаясь отвечал младший лейтенант.

В своих воспоминаниях Наталия Ивановна писала:

Я возмущаюсь и волнуюсь.

Будучи новоиспеченным офицером, я выполняла все требования со всей тщательностью.

Пилотка была приподнята на два пальца от бровей и в меру набок. Шинель сидела безукоризненно, все пуговицы были застегнуты наглухо и по мужски — на правую сторону.

— Постольку, поскольку туфли, товарищ майор! — повторял с веселой улыбкой младший лейтенант.

Дело в том, что солдатские кирзовые сапоги были велики, ходить в них Наталия Ивановна не могла. Тогда она одела свои обычные на низком каблуке, самые, как она выразилась, «неприметные», туфли. Они то и оказались самыми приметными для патруля.

После того, как ей удалось добыть и одеть солдатские сапоги, она отправилась в комендатуру.

Там минут сорок добивалась своего удостоверения:

Какой-то капитан, красный от множества указаний, требовал, чтобы я прошла строевые занятия...

Наконец я сообразила и сказала возможно строже:

— Прошу немедленно вернуть мне документы. Я — искусствовед!

— Кто?!

— Искусствовед!

Непонятная специальность подействовала на сурового капитана, и он сразу же вернул Соколовой командировочное удостоверение.

Вот такой колоритный эпизод, характеризующий и атмосферу тех дней, и саму Наталию Ивановну.

Когда она приехала в Дрезден, город был в руинах, повсюду преследовал сладкий, тошнотворный трупный запах.

Англо-американская авиация разрушила Дрезден в феврале 1945 года в одну ночь, в два налета.

Это была лавина огня, люди бежали с мокрыми повязками на лицах. Целые кварталы превратились в груды камней.

Так встретил майора Соколову город, где ей предстояло проявить незаурядную настойчивость и мужество.

Само название Дрездена неразрывно связано в сознании людей со знаменитой картинной галереей. Но фашисты вынесли из галереи все шедевры.

Казалось, Дрезденская галерея навсегда исчезла с лица земли... И вот теперь начались поиски ее шедевров.

Наталия Ивановна в гимнастерке с полевыми погонами, в солдатских кирзовых сапогах, шагала целенаправленно и устремленно, по полам ее шинели пробегали искры от жара пылавших развалин.

Она считала, что в первую очередь необходимо подыскать помещение для хранения будущих обнаруженных картин. Их еще не обнаружили, еще никто не знал, где они, но уже искали для них помещение...

Надежное помещение было, наконец, найдено. Им оказался замок, не пострадавший от бомбежек, — Пильниц Шлосс, летняя резиденция саксонских королей!

Затем в одном из туннелей в окрестностях Дрездена была обнаружена картотека галереи. Очень важная нужная находка! Сразу же у входа в этот туннель поставили охрану, по периметру всего здания тоже...

Закипела работа в шахтах старой каменоломни, которые были не только темные, сырые, иногда полузатопленные, но еще и заминированные фашистами.

Каждый вечер возвращались домой как после трудной боевой операции — худые, черные, измученные.

По стенам подземных штолен сочилась вода, некоторые из всемирно известных живописных полотен были покрыты каплями влаги, как будто они плакали. Другие были подернуты дымкой — их покрывала скользкая плесень.

И вдруг из непроницаемой тьмы глубоких шахт шахтерский фонарь выхватил смотревшие с полуистлевших полотен лица, выражавшие сомнение и надежду, любовь и страдание, благородство человеческого духа. Это были произведения великих мастеров кисти Рубенса, Риберы, Мурильо, Тициана и многих многих других.

Люди стояли молча, потрясенные открывшейся им силой искусства. Они возвращали все это человечеству, будущим поколениям.

Это было второе рождение творений великих мастеров.

Наталия Ивановна рассказывала, что обнаруженная в туннеле «Сикстинская мадонна» Рафаэля как будто ослепила и заворожила всех.

В глубине туннеля вдруг раздался крик: «Сюда! Смотрите! Это она! Это она!»

Один из бойцов промолвил восхищенно: «Богиня!»

Сняли пилотки...

Кто-то из солдат попросил: «Товарищ майор! Разрешите подменить часовых».

Часовым, стоявшим у входа в штольни, тоже хотелось хоть одним глазком взглянуть на «богиню».

В те дни Наталия Ивановна много рассказывала о картинах, обнаруженных в тайниках, о художниках, их создавших. И этот разговор об искусстве становился для бойцов делом большой человеческой важности.

Летняя резиденция саксонских королей преображалась.

Нередко, когда Наталия Ивановна шагала по Дрездену, перед ней останавливалась машина, и кто-нибудь из офицеров кричал: «Майор, майор, посмотрите картину, у нас обнаружена — замечательная, может, Рембрандт или Рафаэль!» Ей называли адрес, и машина мчалась дальше.

Болезничков от искусства становилось все больше. «На ящиках в туннеле написано «Кунст» — значит по Вашей части», — говорили ей при встрече незнакомые люди.

Когда в каменоломнях был обнаружен автопортрет художника Рембрандта с женой Саскией и бокалом вина в руках, притихшие солдаты спросили Наталию Ивановну: «Товарищ майор, а за что пьет Рембрандт?»

Она ответила: «Рембрандт поднимает бокал за вас, советских солдат, уничтоживших фашистскую гадину».

Под тем же броским названием — «За что поднимает бокал Рембрандт?» — вышла статья Наталии Соколовой на немецком языке. В голландском журнале в юбилей Рембрандта также было опубликовано это эксклюзивное интервью с Наталией Соколовой.

Известия об эпопее спасения дрезденских художественных сокровищ облетели всю Европу.

В Пильниц Шлосс продолжали свозить найденные картины и сверять по уцелевшим каталогам галереи. Это работа очень кропотливая и требующая глубоких профессиональных знаний.

Затем, закрыв все окна и двери, чтобы не было сквозняка, расставляли картины по стенам. Они должны просыхать не быстро, а постепенно, иначе могли образоваться вздутия и осыпи красочного слоя.

Но даже после того, как картины просохли, оставлять их в разрушенном городе, среди дымившихся еще развалин, было бы губительно.

Они нуждались в серьезном «стационарном» лечении. В Москве, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина им для этого были созданы все условия.

Начался новый этап работы по спасению сокровищ — их упаковка и транспортировка.

В Москву израненные картины были отправлены специальным поездом под усиленной охраной.

Шедевры спасенные, а затем после реставрации возвращенные Дрезденской галерее, навсегда вошли в жизнь Наталии Соколовой.

В 1965 году в двадцатилетие победы над фашизмом она в очередной раз была приглашена обер-бургомистром Дрездена на юбилейные торжества.

Когда Наталия Ивановна приехала, генеральный директор Дрезденских художественных собраний профессор Макс Зейдевитц предложил ей посетить те самые шахты Покау-Ленгефельд...

Она встретила с немецкими шахтерами там, откуда 20 лет назад, рискуя жизнью, выносила картины Дрезденской галереи.

Маршал Иван Степанович Конев, нерасточительный на похвалы, не раз отмечал ее исключительную храбрость, полное отсутствие боязни за себя.

Встретившись с Наталией Ивановной в экстремальных условиях мая 1945 года в Дрездене, он был вынужден сделать ей замечание, что в данном, особом, и, может быть, единственном случае — в заминированных каменоломнях — следует вперед себя пропускать мужчин.

Вся жизнь Наталии Ивановны Соколовой после 1945 года была озарена светом тех лет. Она жила на том же, почти нечеловеческом напряжении военных испытаний, с готовностью рисковать жизнью на благо Родины.

Шла уже другая, мирная жизнь, другие трудности и проблемы. А она все стремилась к жизненному полету на пределе своих сил. Ее не всегда понимали.

Казалось иногда, она напоминает птицу с переломанным крылом. Но она по-прежнему оставалась в полете.

Считала, что культура и искусство в состоянии противостоять войне, предостеречь от войны. Часто повторяла слова шведского писателя Нурделя Грига: «В тот день, когда вы не помогаете миру, вы способствуете войне». Это было ее жизненным убеждением,

и она каждодневно боролась за культуру и искусство, за мир против войны.

Все свои гонорары и премии завещала в Фонд мира.

Приезжая в Ленинград, Наталия Ивановна приглашала знакомых и друзей к себе в номер гостиницы «Астория», где обычно останавливалась. Собирались художественные критики, журналисты, репортеры. Сразу же приносили чай из буфета, бутерброды. Наталия Ивановна готовила какие-нибудь салаты.

Она любила угощать, ей казалось, что вокруг все голодные и хотят есть, это, наверное, осталось от военного времени. Накладывала полные тарелки, как шутили ее друзья, даже «борщ наливала с горкой».

Всегда была очень деятельной, устремленной, живущей в крупном измерении.

Встречалась с курсантами военных училищ, со школьниками. Это был путь от сердца к сердцу. Очень дорожила встречами с молодежью, приходила в школы, часто приглашала к себе домой.

Член-корреспондент Академии художеств, автор многих монографий, не считала зазорным писать в газеты, обращаться к массовой аудитории.

Однажды, когда я была в Москве, предложила мне зайти к Галине Улановой. Еще до войны Наталия Ивановна писала о спектаклях с участием этой гениальной балерины.

Трудно себе представить людей более разных по характеру, таланту, человеческому темпераменту. Наталия Ивановна была вся на готовности действовать и действовать немедленно. Устоять ее напору было невозможно.

Галина Сергеевна была сосредоточена, сохраняя какие-то свои внутренние, хрупкие, едва ей самой слышные, нежные и печальные мелодии. Казалось, она оберегала их, чтобы донести до сцены и выплеснуть там, поведать людям со всей силой таланта и филигранной отточенностью своего мастерства.

Такие разные, «лед и пламень», они обе представляли «культурное лицо» России. И потому, как они за чашкой чая беседовали об искусстве, чувствовалось, что каждая из них — и Галина Сергеевна Уланова и Наталия Ивановна Соколова — высоко понимали роль своего призвания и меру ответственности своей жизни на виду у всего мира.

В другой раз Наталия Ивановна пригласила меня навестить маршала И. С. Конева. Мы пошли, но оказалось, что он плохо себя чувствует и принять не может. Наталия Ивановна передала ему записочку через караульного.

Когда мы вернулись домой к Наталии Ивановне, почти сразу же раздался телефонный звонок. Звонил Конев. Наталия Ивановна стала вдруг говорить непривычно низким голосом: видимо, случилось что-то недоброе.

— Мы не раз с Вами, Иван Степанович, смотрели в лицо смерти, мы не дрогнем и в этот раз, — сказала в трубку Наталия Ивановна.

Меня поразило, что она говорила «мы», как солдат солдату — для этого надо обладать большой силой духа ...

Когда через несколько дней я уезжала из Москвы, на одной из центральных улиц было перекрыто движение — хоронили маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева.

Сама Наталия Ивановна, тоже не дрогнув, встретила свой смертный приговор. Ее отвезли в больницу с сердечным приступом, а там почти сразу же, без промедления поставили диагноз — онкология. Она молча отвернулась к стене, отказалась от еды. На третий день Наталии Ивановны не стало.

Потом оказалось, что диагноз был ошибочным...

При жизни Наталия Ивановна поддерживала самые широкие контакты со многими музеями Европы. Но, конечно, особенно тесные связи сохранялись у нее с Дрезденом.

Дрезденская галерея приглашала ее на все юбилеи своего второго рождения.

Наталия Соколова была почетным гражданином этого города. Одну из фабрик Дрездена назвали ее именем.

В журнале «Советский воин» за 1975 год было опубликовано письмо маршала И. С. Конева, обращенное к Наталии Ивановне Соколовой:

Все написанное Вами правдиво, взволнованно, красиво. Ваше активное участие в спасении Дрезденской галереи достойно высокой похвалы.

Ваше имя как гуманиста, ценителя красоты, искусствоведа будет прославлено советским народом и народом ГДР.

В этом же журнале в рубрике «Помнит мир спасенный» было опубликовано интервью с Наталией Ивановной, в котором она сказала:

Родилась я в Ленинграде, там прошла моя юность.

Теперь Ленинград и Дрезден — города-побратимы, жители обоих городов сотрудничают друг с другом, как хорошие и верные друзья...

И мое сердце бьется от радости.